

Е. В. Первалова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ НА СИБИРСКИХ ЧЕРТЕЖАХ С. У. РЕМЕЗОВА

doi: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-16-25

УДК 912:39

ББК 63.5(253)+26.17

Рукописным атласам С. У. Ремезова — «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711), «Чертежной книге Сибири» (1699–1701), «Служебной чертежной книге» (1702–1730) — посвящены десятки исследований. Среди талантов и практических дел сибирского изографа (картографа, летописца, географа, иконописца, знаменщика, зодчего, строителя, инженера) ученые не в последнюю очередь отмечают этнографические изыскания и называют его имя в ряду пионеров русской этнографической картографии. Между тем история русской этнокартографии остается недостаточно изученной, а ремезовское картографическое наследие содержится в себе не до конца оцененный и использованный ресурс историографии визуально-текстового повествования о народах Сибири. Созданная тобольским изографом масштабная визуально-текстовая этнополитическая панорама Урала, Сибири и сопредельных территорий — проект имперский по замыслу и персональный по воплощению. В качестве инструментария для картографирования Ремезов использует комбинацию визуальных и текстовых методов, что позволяет отнести его сибирские чертежи к изобразительному народоведению. Изобилующая этническими названиями и этнографическим содержанием картография Ремезова — информативно насыщенный и детально проработанный изографический ответ на государственный запрос о масштабах и содержании «прирастания» сибирскими «землицами» и народами. Вместе с тем масштабный описательно-картографический обзор империи с запада на восток в формате магистральной колонизации отражал не столько этнографическую реальность, сколько колониальную политику Московского государства в Сибири. Картографические имена «иноземских орд родов и язык» на ремезовских чертежах фиксируют подвижки в большой геополитике, персонифицированно воспроизводят особенности развития диалога метрополии и туземного населения в лице этноэлит. Вкупе с письменными и устными материалами запечатленный Ремезовым исторический срез, иллюстрирующий властные отношения Москвы с сибирскими народами, является одним из опорных источников для этноисторических ретроспекций.

Ключевые слова: *С. У. Ремезов, этнографическая картография, изобразительное народоведение, колониальная политика, этническая элита, Сибирь*

Вряд ли кто-то из сибиреведов, будь то историки, археологи или этнологи, не обращался к первым атласам Сибири — «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711),¹ «Чертежной книге Сибири» (1699–1701)² и «Служебной чертежной книге» (1702–1730),³ составленным тобольским сыном боярским Семеном Ульяновичем Ремезовым и его сыновьями в конце XVII — начале XVIII в. Этим

удивительным чертежам эпохи первых русских географических открытий посвящены десятки исследований, содержащих научные дискуссии об их авторстве и подлинности, истории и времени создания, стилистических и жанровых особенностях, значении ремезовского картографического наследия для Российского государства.⁴ Благодаря переизданию

¹ «Хорографическая чертежная книга» (Remesov's Horographic Drawing Book of Siberia. Houghton Library, Harvard University, рfMS Russ 72*55 М — 174) (далее — ХЧКС. 1697–1711).

² «Чертежная книга Сибири 1701 г.» (Отдел рукописей РГБ, Румянцевское собрание № 346); Чертежная книга Сибири, составленная сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882 (далее — ЧКС. 1882).

³ «Служебная чертежная книга» (отдел рукописей РНБ (СПб.), Эрмитажное собрание № 237).

⁴ См.: Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. СПб., 1910; Андреев А. И. Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века // Советский Север. 1938. № 1. С. 37–64; Он же. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1940. С. 108–117; Багров Л. С. Карты Азиатской России. СПб., 1914; Берг Л. С. Русские этнографические карты // Человек. 1928. № 1. С. 63–66; Гольденберг Л. А. «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 183–185; Он же. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ: 1642 — после 1720 гг. М., 1965; Он же. Изограф земли сибирской. Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990; Он же. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в. // Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. Т. 2. С. 287–698; Молчанов В. Ф. Чертежная книга Сибири С. У. Ремезова из коллекции графа

трудов С. У. Ремезова фондом «Возрождение Тобольска»⁵ отдельные карты и чертежи картографа активно используются современными исследователями для разного рода археологических и этнологических реконструкций и интерпретаций.⁶

Среди талантов и практических дел С. У. Ремезова (он был картографом, летописцем, географом, иконописцем, знаменщиком, зодчим, строителем, инженером) ученые не в последнюю очередь отмечают этнографические изыскания сибирского картографа и называют его имя в ряду пионеров русской этнографической картографии.⁷ Между тем история русской этнокартографии до сих пор остается недостаточно изученной, несмотря на солидные наработки по этой теме у Музея антропологии и этнографии и Русского географического общества и внушительное число публикаций российских исследователей,⁸ а ремезовское

картографическое наследие содержит в себе не до конца оцененный и использованный ресурс историографии визуально-текстового повествования о народах Сибири.

Изография Ремезова

Визуальность признается одним из древнейших инструментов самовыражения, коммуникации и познания этнических сообществ. С изображения/образа начиналась сама наука этнография (народоведение), что выражалось как в научном восприятии и осмыслении этничности, так и в практиках межэтнических контактов и диалогов. Называя академика И. Г. Георги основоположником российского народоведения, А. В. Головнёв и Т. С. Киссер подчеркивают, что его научное новаторство в значительной мере обеспечено вниманием, если не пристрастием, к изображениям (рисункам) народов, послужившим естественным толчком к преобразованию коллекции в 4-томный академический труд с описанием 80 народов России, выросший «из реальных событий, нужд самопознания и самоопределения» огромной полиэтничной империи.⁹ Однако более чем за полвека до становления российского народоведения тобольским сыном боярским Семеном Ульяновичем Ремезовым была исполнена другая миссия — представление диалога Москвы и приводимых под государеву руку сибирских народов с помощью карт-чертежей и авторской летописи. Созданные Ремезовым во исполнение указа Петра I и поручения Сибирского приказа картографические атласы — это государственный заказ нарождавшейся Российской империи.

Стремительно продвигавшееся на восток с конца XVI в. Московское государство «прирастало» не только «землицами», но и народами. Наглядным «способом сбора и свода знаний о землях и народах» было картографирование. «Изобразить народ означало нанести его на карту, а изобразить империю — нанести на карту много народов».¹⁰ В этом отношении ремезовские чертежи представляют собой масштабный описательно-картографический обзор империи с запада на восток в формате магистральной колонизации — демонстрации «власти над пространством зависимых народов

Н. П. Румянцева // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 20–38; Полевой Б. П. Семен Ульянович Ремезов // Первопроходцы. М., 1983. С. 9–75; Он же. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории установления русской этнокартографии) // Советская этнография. 1973. № 4. С. 78–88; Постников А. В. Картографирование Сибири в XVII — начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 7–19; и др.

⁵ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г.: в 2 т. М., 2003 (далее — ЧКС. 2003); Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: в 2 т. Тобольск, 2006 (далее — СЧК. 2006); Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск, 2011 (далее — ХЧКС. 2011).

⁶ См.: Белич И. В. «Чертеж Кучумово городище» из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2009. № 7. С. 90–100; Данченко Е. М. Карты Ремезова и фольклор // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. С. 45–49; Матвеев А. В., Аношко О. М. Ермакова перекость на старинных картах и в материалах полевого археолого-этнографического обследования // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2 (64). С. 275–281; Матвеев А. В., Яровская Л. Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книге Сибири С. У. Ремезова 1697–1711» // Изв. ОГИКМ. Омск, 2003. № 10. С. 147–162; Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 165–173; Слобода Царево Городище на Тоболе. Курган, 2015; Тихонов С. С. Река Демьянка на картах С. У. Ремезова и этнографо-археологические исследования // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2013. № 2 (21). С. 79–87; Он же. Чертежи С. У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») // История, экономика и культура тюрко-татарских государств на территории Западной Сибири. Курган, 2014. С. 6–11; и др.

⁷ См.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. С. 108–117; и др.

⁸ См.: Полевой Б. И. К трехсотлетию создания этнографического чертежа... С. 87, 88.

⁹ Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 8–14, 32–33; Головнёв А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 66.

¹⁰ Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции. С. 11.

и стран». Карта не просто служила сводом знаний о землях и народах, а фиксировала «живую границу» пространственной экспансии Сибири,¹¹ при этом изограф выступал одновременно и художником, и географом, и этнографом, и историком.

В качестве инструментария для картографирования С. У. Ремезов использует комбинацию визуальных и текстовых методов. В отличие от западноевропейских карт конца XVI — начала XVIII в., в ремезовской версии визуальность (изображение) и описание (текст) не просто дополняют, а насыщают друг друга, создавая масштабную визуально-текстовую этнополитическую панораму Урала, Сибири и сопредельных территорий. Отметим, что фактор визуальности был определяющим и в исполнении знаменитой ремезовской летописи,¹² где иллюстрация и текст составляют общее историко-этнографическое полотно (материализованное визуализированное знание). По замыслу и воплощению визуально-текстовой формат летописи близок к раскадровке фильма с единой сюжетной линией, при создании которой автор одновременно выступал и сценаристом, и художником (в том числе художником по костюмам), и оператором. В его исполнении визуальные образы, несмотря на условность, нередко более точно и лаконично передают смыслы, чем текстовые описания.

Лист 23¹³ «Чертежной книги Сибири»

Изобразить народы в пространстве — задача имперского размаха; в этом смысле помещенная Ремезовым в конце «Чертежной книги Сибири» карта под названием «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи» (1701)¹⁴ — отнюдь не случайный, а скорее аккордный сюжет в комплексе его изографических работ. Исследователи называют его «первым этнографическим чертежом Сибири»¹⁵ и «первой русской этнографической картой».¹⁶ Представляя новое факсимильное издание «Чертежной книги Сибири», авторы

подчеркивают, что, поскольку «единственная тематическая карта» атласа не содержит надписей, не имеющих отношения к этнографии, и показывает места обитания разных «сибирских племен и народов», ее действительно можно считать сугубо этнографической.¹⁷ Более того, они отдают этому единственному «истинно тематическому» чертежу пальму первенства не только как самой первой сибирской этнографической карте, но и как самой первой этнографической карте в истории мировой картографии.¹⁸

Богатое этнографическое содержание этой карты ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Хотя можно согласиться с доводами Б. Н. Полевого, что скудость источников пока не позволяет «точно указать, когда началась история русской этнографической картографии», так как русские землепроходцы еще задолго до составления ремезовской этнографической карты «сделали десятки путевых чертежей, на которых были показаны места обитания различных народов Сибири», а сам сибирский изограф, возможно, принимал участие в создании не дошедшего до нас «корнильевского» этнографического чертежа Сибири 1673 г.¹⁹

За подоснову для начертания карты «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири...», как известно, был взят «Чертеж всех Сибирских городов и рек и земель: Писан на Москве, в Сибирском приказе, со всех городовых чертежей в 207 году, сентября 18 число...»,²⁰ представлявший территорию государства от Москвы до Тихого океана и прилегавшие земли. Сводный географический чертеж содержит около тысячи названий и только одно этнографическое — «самоедское жильё», если не считать указаний типа «места расселения казаков» и «кочуют казаки Улучин».²¹ Сводный этнографический чертеж, напротив, изобилует этнографической номенклатурой. Таким образом, эти два чертежа, имея разное предназначение, поддерживают и в значительной мере дополняют друг друга. Несмотря на то что все картографические и описательные произведения С. У. Ремезова буквально пестрят сведениями о народах, «Чертеж и сходство наличие земель всей Си-

¹¹ См.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 538–540.

¹² Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880.

¹³ В оригинале — Листъ. №:

¹⁴ ЧКС. 2003. Т. 1. Л. 23.

¹⁵ Андреев А. И. Этнографические труды Семёна Ремезова о Сибири XVII века; Он же. Очерки по источниковедению Сибири. С. 108.

¹⁶ Берг Л. С. Указ. соч.

¹⁷ ЧКС. 2003. Т. 2. С. 142.

¹⁸ Постников А. В. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Полевой Б. Н. К трехсотлетию создания этнографического чертежа... С. 78–88.

²⁰ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. С. 108, 115.

²¹ ЧКС. 2003. Т. 1. Л. 21, 23; Т. 2. С. 126–136; 142–144.

бири...» стоит особняком как по тематическому замыслу («отражает границы... земель»), так и по стилистике (графическо-цветовому решению). На этой карте, представляющей собой «лоскутное одеяло» в несколько «шаров и цветов» (использованы желтая, красная, коричневая, светло-коричневая, зеленая и темно-зеленая краски) выделены земли (92 территории) сибирских племен и народов, соответствующие крупным этническим сообществам.

*О пользе чертежей в деле сбора ясака
и не только*

Первая рукописная этнографическая (или этнотерриториальная) карта фиксирует места обитания разных этнических и этнополитических сообществ в конце XVII в. Согласно предположению историков, локализация «родов», «племен» и «орд» на чертеже могла соответствовать более раннему периоду, чем время его составления (1699), поскольку включала сведения, собранные «стараниями Сибирского митрополита Корнилия в 1673 г.», более ранние опросные данные и собственные этнографические знания С. У. Ремезова.²² По большому счету «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири...» выглядит основанием или дополнением к главному этнографическому сочинению Ремезова — «Описанию о сибирских народах и граней их земель», выполненному по поручению Сибирского приказа (А. Винуса). Судя по упоминаниям в других источниках, оно представляло собой этнографические очерки со справками об обложенных ясаком «ясашных» и «неясашных» сибирских народах с указанием на «границы» (границы) расселения, а также «легендами» и разъяснениями их происхождения.²³ У этих двух произведений одни цели, и в замысле автора они вполне могли быть единым проектом.

В предисловии к первому изданию «Чертежной книги Сибири» особо (и не без основания) подчеркивается «При всей грубости и скудости этих первых карт с них начался период управления Россией».²⁴ В этом отношении примечательно ремезовское «Пояснение к чертежу», в котором четко указано его назначение:

«Сей чертеж наличие земель написан между рек и урочищ, грани и межи сосед всех сибирских городов сходство по рекам городов и иноземских волостей и кочевых орд коемуждо роду и языку покое урочище с соседми владение земли своей впрядки онибо из своих жилищ с родных границ не выступают и к соседские не вступаются. А будя из котораго языка орды в которую землю вступят скотом или на промыслы какова будя зверя уловит придут и о сем меж ими чинитца междуособье и грабление... И сему по допросам в различии шаров и цветов оучинен сей в наличии Сибирский чертеж сходство всей Сибири города Тоболска и всех розных городов жилищ и степи и иноземских орд родов и язык вокруг облежащих сосед. О них нам повести и чертежи в подсвоение ясаку надлежат».²⁵

Знание расселения «родов», «орд» и «язык», как и «повестей» о междоусобных конфликтах, оказывалось чрезвычайно полезным не только при сборе ясака. К моменту составления чертежей московские власти уже не первый десяток лет участвовали в насильственном или дипломатическом регулировании междоусобиц и династических распрей внутри туземных сообществ. Как служилый человек, Ремезов и сам был участником «посольств» и походов с целью переписи населения и строительства русских городов, возводимых для ясачного сбора и замирения местных «племен». На чертеже сибирских «земель» выделяется пара «великих» — «з(емля) Пермь Великая» и «Великая Татария... а в ней... град Тоболеск», а названия вогульских и остяцких земель, уже почти сотню лет находившихся в прямом подчинении Москве, дополнены указанием на расположение в них русских форпостов (городов): «з(емля) Вогульска в ней города Верхотурье и Пелым», «з(емля) Кондинска и Обдоринска в ней град Березов», «з(емля) Пестрой орды остяков в ней град Сургут».

В дополнение подчеркнем, что на карте «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири...» на урало-западносибирском пространстве С. У. Ремезовым показаны не народы (в отличие, например, от карты Н. Витсена и других европейских карт), а «земли»,²⁶ среди которых есть: 1) крупные территориальные (название «земли» соотносится с названием региона), 2) этнотерриториальные (название

²² Там же. Т. 2. С. 142; Полевой Б. П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа... С. 80, 81, 84–86.

²³ См.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. С. 110–115, 117; Полевой Б. П. Семен Ульянович Ремезов. С. 42, 43.

²⁴ ЧКС. 1882. С. П.

²⁵ Там же. 2003. Т. 1. Л. 23 (предисловие).

²⁶ Там же. Л. 23.

«земли» связано с самоназванием или эндоэтнонимом), 3) этнополитические (в названии «земли» содержится имя элитной группы или «вождя» / правителя, выступающего во главе народа) объединения.

«Вогулами», «остяками» и «самоедами» в русских источниках, как известно, именовались представители разных народов и родоплеменных групп.²⁷ У Ремезова с этническим названием «остяки» зафиксированы «земли» самодийских народностей: «з(емля) Пестрой орды остяков» (селькупов) и «з(емля) нарымских и кетских остяков» (кетов), тогда как основная часть угорского населения обитала в землях «Вогулска» и «Кондинска и Обдоринска». Остяко-вогульская картографическая композиция (раскладка) базировалась не на этнической, а на реальной геополитической ситуации.

В разбросе картографических наименований земель «читается» разная глубина этнографических знаний и политические интересы метрополии, что прекрасно видно на примере «самояди». Этноним «самоедь» включен в название пяти «землиц»: «з(емля) Самоеди Терской» (вероятно, терские и печорские или пустоозерские самоеды), «з(емля) Самоедь Гиндинская» (самоеды, подчиненные Гынде Моликову), «з(емля) Юрацкой самоеди» (юраки, юрацкие самоеды), «з(емля) многих родов Тунгусов и Самоединов в ней град Турухан» (енисейские самоеды) и «з(емля) немирых самоедин» (собирательное название воинственных северных кочевников). В названиях самоедских земель отражена этнополитическая ситуация, когда Москва еще не смогла установить прямого диалога со всеми группами кочевых самоедов, расселенными на огромной территории Крайнего Севера и, ограничивалась посредничеством зырян (в Приуралье), остяков (в Зауралье и в Северо-Западной Сибири) и самих же самоедов (в Сибири).

Среди самоедских земель особо выделяют земли Гынды Моликова (внука Василия Обдорского), с правления которого московские государи обрели верных союзников в лице обдорской правящей династии остяцких князей Тайшиных, при активном участии которых происходило «замирение» самой активной группы сибирских тундровых кочевников — Карачейской самоеди. Североостяцкие князья, в том числе Гында и его отец Молик, не раз

вступались перед государем и воеводами за своих северных соседей, хотя и сами нередко оказывались под ударами кочевых самоедских орд.²⁸ В 1679 г. «березовского уезду Обдорского городка... князц» Гында Моликов «с почетом» был принят государем Федором Алексеевичем в Москве, где получил особую грамоту, согласно которой «за его, Гындины, и деда и отца его, службы» ему было велено «Обдорские городки и волости и в них ясачных людей ведать», «государев ясак и десятинную пошлину собирать по прежнему... и отвозить на Березов».²⁹ Государевой грамотой обдорским князьям была дарована привилегия «для больших дел», позволявшая при необходимости обращаться непосредственно в Москву, минуя Тобольск, благодаря чему они ставились в исключительное положение.³⁰ Союз московской власти с остяцким княжеским домом Тайшиных стал реальным механизмом совместного управления труднодоступным Заполярьем с его «немирными» кочевниками. Князья Тайшины (Гында Моликов и его преемники), несмотря на их «шаткость», были для Москвы более удобными и доступными партнерами, чем кочевая самоедь; в свою очередь, московская поддержка укрепляла статус обдорских князей в сообществе северных остяков и самоедов.³¹ Этот значимый для обеих сторон персонифицированный сюжет запечатлен и на 23-м листе ремезовского атласа.

Метрополии, вычерчивающей на картах свои сибирские владения, приходилось считаться с существованием обладающих реальной властью местных элит. Не исключено, что именно благодаря особой значимости в этот период истории русско-самоедско-угорских отношений под рисунками «гербуцов» Московского государства и Сибири в предисловии к «Хорографической чертежной книге» Ремезовым были изображены главные фигуры (инородцы) сибирской истории конца

²⁸ См.: ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 375–378 (№ 68-I); ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 167–168 (№ 44-X); Обдорский край и Мангазея в XVIII в.: сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 39–44; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 375–378 (№ 68-I); ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 167–168 (№ 44-X).

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55–62; Перевалова Е. В. О значении жалованных грамот остяцких князцов // Обские угры: материалы II Сибир. симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 156–161.

³⁰ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 166–168 (№ 44-X); См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. История Сибири в XVI–XVII веках. Екатеринбург, 2007. С. 64.

³¹ См.: Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 71–77.

²⁷ См.: Головнёв А. В. Югра и самоедь // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпози. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 133–144.

XVI–XVII в.: коленапреклоненные «сибирец» и «татаринец» (слева), «самоединец» и «объдаринец» (справа). А в тексте предисловия прописано, что «объдаринец, татаринец, самоединец приносят свою честь и с прочими поклон на одежду многоценных зверей»³² (см. цв. вклейку).

Геополитика в чертежах

Карты «Чертежной книги Сибири» с авторскими надписями и пометами наполнены этнографическим и геополитическим содержанием. Гидрографическая основа ремезовских чертежей включает мощный этнотопографический контент: речная система с указанием расстояний между населенными пунктами в днях пути водой, а также «ходов кочами» и волоков, дорог, троп и чрезкаменных переходов описывается в большинстве своем с использованием этнических топонимов. На чертежах городов и «земель» указаны этнический состав, юрты, места кочевания и промыслов сибирских туземцев, планы русских форпостов, места «сборов» и резиденций туземных князей, сведения о политико-административном делении (в том числе волостном) и ясачном обложении, события и действующие лица сибирской истории, священные места и «памятники». В комплексе с первичными картографическими материалами «Хорографической чертежной книги» и «Служебной чертежной книги» они составляют информативно насыщенный и детально проработанный изографический ответ на государственный запрос не только о масштабах, но и о содержании «прирастания» сибирскими землицами и народами.

Самым эффективным методом установления господства метрополии над колонизируемой периферией был захват власти над элитой, для чего применялось искусство дипломатии и подчинительного/поощрительного администрирования. Той же цели — установлению и поддержанию господства — служило картографирование Московским государством сибирских территорий с неременным нанесением на чертежи владений и имен туземных властителей, чьи влияние и сила были очевидны. Например, Обдорию на «Чертеже земли Березовского города» представляет «городок Обдорский» на р. Полуи с пометой, что «построен на приезде остяком и самоедином

для государева ясажного збору», чуть ниже по реке обозначены юрты «князька Тайши Гиндина с товарищи» (резиденция обдорских князей); в его же вотчинах находились «заस्ताва Сопская» и «волоковка к Руссе ход черес Камен Собю». На том же чертеже отмечены резиденции других североостяцких властителей — юрты «князя Шешки Кушкилева» на р. Ляпин (ляпинская княжеская династия), «Артанъезяры» по р. Ремже (Сосьве) и «князя Данилко Горина» на р. Куноват (сосьвинско-куноватская династия), а также рассыпанные по верховьям рр. Войкар, Собь, Полуи, Надым и Пур и тундрам самоедские жилища, чумы и промыслы.³³ На чертежах низовьев р. Оби «Хорографической чертежной книги» указаны по р. Полуи «городок Обдорский служивых 50 ч[человек]» и напротив него опять же — место, где «Гиндин собирают ясак» (с храмом), места кочеваний «собской самояди», их «городок» на месте весенне-осеннего промысла рыбы, большое число остяцких городков и юрт. На одном из чертежей подробно описан северный «чрезкаменный» путь Усой, Ельцом и Собью до Обдорска с указанием расстояний в днях, волоковок и участков обвода судов, в устье р. Шайтанки обозначены городок «Караульный зимний ямской» и «заस्ताва Обдорская», а у «камня Собского» четырьмя красными крестами помечено место, где было убито несколько (вероятно, русских) человек.³⁴ При совмещении информации «Чертежной книги Сибири» и «Хорографической чертежной книги» разворачивается детализированная панорама улусных владений североугорских властителей (Обдорского, Ляпинского и Куноватского княжеств), иллюстрирующая интересы и властные отношения метрополии и туземных элит.

С особым вниманием сибирский изограф отнесся к фиксации владений кодских (остяцких) князей Алачевых. Геополитически Кода (Кодское княжество) находилась в центре угорских земель, на стечении главных водных магистралей Западной Сибири — Иртыша и Оби, что предполагало ключевую и господствующую позицию в угорском пространстве. Именно с кодским князем Алачем заключили договор на Мирской горе ермаковы казаки, идущие летом 1583 г. вниз по Иртышу и Оби, собирая «з боем и без бою» ясак и подчиняя

³³ ЧКС. 2003. Л. 8.

³² ХЧКС. 1697–1711. Л. 8; ХЧКС. 2011. С. 41, 42.

³⁴ ХЧКС. 1697–1711. Л. 116, 117, 118; ХЧКС. 2011. С. 116, 128, 129.

себе одно за другим вогульские и остяцкие «княжества» и «городки». Согласно летописным известиям, среди прочих вогульских и остяцких князей Алач пользовался большим влиянием (его владения начинались за устьем Иртыша и включали более десятка укрепленных городков) и был богат «суца».³⁵ На протяжении всего XVIII в. принявшая под свою руку центральные угорские земли династия князей Алачевых выступала главным союзником и проводником московской власти в Сибири.

Княжество Кода на «Чертеже земли Березовского города» обозначено как «Тобольской уезд Коцкие городки и волости».³⁶ На чертежах «Хорографической чертежной книги» указано расположение многочисленных кодских городков, в том числе особым знаком (кругом с точкой, дополненным изображением трехбашенной крепости³⁷) княжеской резиденции — городка Алачева, а также одноименных юрт по небольшой р. Курке. Здесь же отмечены поставленный в землях кодичей Троицкий Кодский монастырь с православным храмом, имевший, судя по обозначениям, свою мельницу на р. Коде. Богатство Алачевых составляли три «дворца»: первый — рядом с монастырем, второй — на острове напротив монастыря, третий — на острове чуть выше по Оби.³⁸ Такой роскоши, как «дворец», во владениях остяцких и вогульских князей на всем протяжении Оби и Иртыша более не значится.

В землях кодских князей находился один из главных угорских культовых центров. Вероятно, где-то здесь, в отмеченных на чертежах Оби ниже впадения Иртыша юртах Белогорских, Мастерковых и Шайтаншиковых,³⁹ хранился и «панцырь» Ермака, полученный Алачем на большом кучумовом сходе и отданный им «в приклад белогорскому шайтану».⁴⁰ С кодской княжеской династией связаны «Чючень Алачевы» на протоке «ис Казыму в Лемин», волость «Ваховска Алачева» и, возможно, селение Алачевых под русским городом

Пельмом.⁴¹ Нанесенные на чертежи ближние и дальние вотчины Алачевых, по всей вероятности, были получены кодским княжеским домом за оказание поддержки во время военных походов Москвы в земли восточных остяков и вогулов.

В сочетании с другими историческими источниками использование картографического материала С. У. Ремезова открывает возможность этногеоисторических ретроспективных построений. Региональные чертежи позволяют установить местонахождение средневековых угорских «княжеств» (хант. *авым*) и городков (хант. *вош*, *вош пай*), перечисленных в «Книге Большому чертежу»⁴² и описанных Г. Ф. Миллером,⁴³ хотя существует проблема идентификации обозначенных на ремезовских чертежах объектов и определения конкретного места их расположения. Многие из указанных на ремезовских чертежах географических объектов и родовых имен туземной элиты сегодня живут в устной истории коренных народов (в виде фольклора и биографических нарративов), а места, где прежде располагались княжеские (богатырские) городки-крепости, и поныне почитаются хантами и манси. Хорошо сохранились они в некогда богатой укрепленными поселениями Коде. Например, городище Карымкарский городок или Каринг-вош (Стерляжий городок) (на ремезовском чертеже отмечены поселение и «в(волость) Карымкарска» между р. Леуш и Нарыкар⁴⁴), датированное археологами XVI–XVII вв.,⁴⁵ местными жителями зовется Ермакова горка. Согласно одной из версий его происхождения, во времена похода Ермака в Сибирь на месте впадения р. Карымкарки в Обь стояла остяцкая крепость: она занимала выгодное стратегическое положение, так как с возвышенности хорошо наблюдать за движением судов по главной сибирской магистрали. По другой версии, насыпной холм-возвышенность был местом проведения языческих обрядов; к святилищу вели дороги с рр. Казым и Назым, каждый приезжающий на капище

³⁵ Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. С. 21; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 242–243.

³⁶ ЧКС. 2003. Л. 8.

³⁷ Такими же значками помечены расположенные ниже по Оби «городок Унбин» и уже упомянутый «Городок. Собская самоедь. Веснуют и осенуют у рыбы». ХЧКС. 1697–1711. Л. 119.

³⁸ ХЧКС. 1697–1711. Л. 119, 120; ХЧКС. 2011. С. 116, 128, 129, 132, 133.

³⁹ ХЧКС. 1697–1711. Л. 121; ХЧКС. 2011. С. 133.

⁴⁰ См.: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)... С. 23, 29–32; Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 245; 258–260.

⁴¹ ХЧКС. 1697–1711. Л. 122, 124 (вклейка), 161; ХЧКС. 2011. С. 133, 134, 136; ЧКС. 2003. Л. 8, 9.

⁴² Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 50, 168–170, 173–174.

⁴³ См.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 78–88, 105–129, 215, 236.

⁴⁴ ХЧКС. 1697–1711. Л. 120; ХЧКС. 2011. С. 133

⁴⁵ См.: Зыков А. П. Отчет о разведках в Октябрьском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 1999 г. Екатеринбург, 2000.

мужчина должен был привести с собой в шапке земли и высыпать ее на священной горе.⁴⁶ Обследовавший холм около Карымкарских юрт Г. Ф. Миллер обратил внимание на его насыпной характер.⁴⁷

К разряду культовых мест относятся Святая Сопка и Заячья Горка (Городище) в селениях Большой и Малый Атлым (на ремезовских чертежах встречаются «Г(ородок). Бол. Атлым» на р. Большой Атлым, «лет(ние) Бол. Атлыму (ю.)» в устье р. Большой Атлым, «г(ородок) Мал. Атлым» на р. Малый Атлым и «Г(ородок) з(имний) Атлымской» на Оби⁴⁸), о которых как об остоящих крепостях *Antlym-uosch* и *Lolmen-uosch* сообщал Г. Ф. Миллер.⁴⁹ Археологами Большеатлымское I городище (Атлым-вош) отнесено к позднему Средневековью, существовало оно до 1630–1640-х гг. Малоатлымское I городище (Лолмен-вош, Мало-Атлымское) датировано XI — серединой XII в. и XV–XVII вв.⁵⁰ По представлениям местного населения, Святая Сопка считается местом поклонения Вожен-аки (городскому старику), а на Заячьей Горке «еще в 1930-х гг. стояла избушка с идолами и на деревьях висели черепа оленей»; ныне это место отдыха малоатлымцев, существует традиция посещения горки школьниками в дни празднования последнего звонка и выпускных вечеров.⁵¹ Раскопанное в 1970–1980-х гг. Уральской археологической экспедицией Шеркальское городище XIII–XIV вв.⁵² (на ремезовских чертежах отмечены «городок Шоркальской» в устье р. Шоркал и «л(етний) г(ородок). Шоркальской» на р. Курке⁵³) ныне известно как святилище Трех братьев: с Оби памятник выглядит как три разделенных рвами холма. Жертвоприношения на городище-капище устраивались до начала

XX в.⁵⁴ Археологические памятники городище Карымкарский городок, Малоатлымское I, Большеатлымское I и Шеркальское городища в современном народном сознании воспринимаются как древние угорские святилища, а в повествованиях независимо от этнической принадлежности (включая не только коренное, но и старожильческое и пришлое население) фигурируют как местная достопримечательность и символ локальной идентичности.

***

В качестве инструментария для картографирования (как и летописания) С. У. Ремезов использует комбинацию визуальных и текстовых методов, что позволяет отнести его сибирские чертежи к изобразительному народоведению. Вместе с тем избыточная этническими названиями и этнографическим содержанием картография тобольского изографа отражала не столько этнографическую реальность, сколько колониальную политику Московского государства в Сибири. Картографические имена «иноземских орд родов и язык» на ремезовских чертежах фиксируют подвижки в большой геополитике, персонифицированно воспроизводят особенности развития диалога метрополии и туземного населения в лице этноэлит. Созданная тобольским изографом масштабная визуально-текстовая этнополитическая панорама Урала, Сибири и сопредельных территорий — проект имперский по замыслу и персональный по воплощению. Вкупе с письменными и устными материалами запечатленный Ремезовым исторический срез, иллюстрирующий властные отношения Москвы с сибирскими народами, является одним из опорных источников для этноисторических ретроспекций.

Elena V. Perevalova

Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the *Kunstkamera*) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

⁴⁶ ПМА. Большая Обь. 2010.

⁴⁷ См.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 78, 80.

⁴⁸ ХЧКС. 1697–1711. Л. 120, 121; ХЧКС. 2011. С. 132, 133.

⁴⁹ См.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 80–82.

⁵⁰ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск, 2000. Вып. 1. С. 106–109, 111–113.

⁵¹ ПМА. Большая Обь. 2010.

⁵² См.: Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 61–63.

⁵³ ХЧКС. 1697–1711. Л. 119; ХЧКС. 2011. С. 131.

⁵⁴ ПМА. Большая Обь. 2010.

VISUAL ETHNIC STUDIES IN S. U. REMEZOV'S SIBERIAN DRAWINGS

The hand-drawn atlases made by S. U. Remezov — the “Cartographical Book of Siberia” (1697–1711), the “Sketch-book of Siberia” (1699–1701), the “Sketch-book for official use” (1702–1730) — have been the subject of numerous research projects and articles. Among the various talents and practical occupations of the Siberian isographer (a cartographer, a chronicler, a geographer, an iconographer, an architect, a builder, and an engineer), his ethnographic research is the one most frequently noted by modern scholars. His name is often mentioned alongside with the names of other pioneers of the Russian ethnographic cartography. At the same time, the history of the Russian ethnocartography is yet poorly researched, and the Remezov's cartographic heritage is still undervalued, while its vast historiographic resource of the visual and textual narratives about the peoples of Siberia has not been used to its full potential. The large-scale visual and textual ethno-political panorama of the Urals, Siberia and the neighboring territories created by the Tobol isographer was a project that was imperial in design and personified in its implementation. Remezov used as his mapping tools a combination of visual and text techniques, which placed his Siberian drawings into the category of the visual ethnic studies. Remezov's cartography, rich in ethnic toponyms and ethnographic content, offered a very informative and detailed isographic response to the government's demand about the scale and content of the “accretion” by the state of the new Siberian lands and the peoples. At the same time, the large-scale West to East depictive and cartographic survey of the Empire undertaken in the form of a colonial expansion reflected not so much the ethnographic reality but rather the colonial policy of the Moscow state in Siberia. The cartographic names of the “foreign hordes of races and languages” in Remezov's drawings captured the shifts in the large geopolitics, and reproduced in a personified form the specifics of the evolving dialog between the metropolis and the aboriginal population represented by the ethnic elites. Together with the written and oral materials, the historical section illustrating the power relationship between Moscow and the Siberian peoples depicted by Remezov represents one of the backbone sources for ethnohistorical retrospections.

Keywords: *S. U. Remezov, ethnographic cartography, visual ethnography, colonial policy, ethnic elite, Siberia*

REFERENCES

- Andreev A. I. [Ethnographic works of Semyon Remezov about the 17th century Siberia]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1938, no. 1, pp. 37–64. (in Russ.).
- Andreev A. I. *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek* [Essays on the study of sources of Siberia. 17th century]. Leningrad: Glavsevmorput' Publ., 1940, pp. 108–117. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. [Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries]. *Bakhrushin S. V. Nauchnyye trudy* [Bakhrushin S. V. Scientific works]. Moscow: AN SSSR Publ., 1955, vol. 3, part 2, pp. 86–152. (in Russ.).
- Belich I. V. [The drawing “Kuchumovo Gorodishche” from “Chorographic Drawing Book” by Semyon Remezov]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], 2009, no. 7, pp. 90–100. (in Russ.).
- Berg L. S. [Russian ethnographic maps]. *Chelovek* [Human], 1928, no. 1, pp. 63–66. (in Russ.).
- Danchenko E. M. [Remezov's maps and folklore]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. Omsk: Nauka Publ., 2010, pp. 45–49. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. [“Chorographic Drawing Book” by S. U. Remezov]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1962, no. 6, pp. 183–185. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. [S. U. Remezov and Cartographic source study of Siberia in the second half of the 17th — early 18th century]. *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S. U. Remezova* [Chorographic Drawing Book of S. U. Remezov]. Tobolsk: Obshchestennyy blagotvoritel'nyy fond “Vozrozhdeniye Tobol'ska” Publ., 2011, vol. 2, pp. 287–698. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. *Izograf zemli sibirskoy: Zhizn' i trudy Semena Remezova* [Isograph of the Siberian Land: The Life and Works of Semyon Remezov]. Magadan: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1990. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. *Semen Ul'yanovich Remezov. Sibirskiy kartograf i geograf: 1642 — posle 1720 gg.* [Semyon Ulyanovich Remezov. Siberian cartographer and geographer: 1642 — after 1720]. Moscow: Nauka Publ., 1965. (in Russ.).

- Golovnev A. V. [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografija* [Ethnography], 2018, no. 1, pp. 6–39. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Yugra and samoyad]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarod. simpoziuma* [Siberia in the panorama of millennia: materials of the international symposium]. Novosibirsk: IAiE SO RAN Publ., 1998, vol. 2, pp. 133–144. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Kisser T. S. [Ethno-portrait of Empire in the writings by Peter Pallas and Johann Georgi]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 3 (48), pp. 59–69. (in Russ.).
- Matveev A. V., Anoshko O. M. [Ermak's Perekop on ancient maps and in the materials of field historical and archaeological survey]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2012, no. 2 (64), pp. 275–281. (in Russ.).
- Matveev A. V., Yarovskaya L. Ya. [The territory of the modern Omsk region on the pages of the “Chorographic Drawing Book of Siberia” S. U. Remezova 1697–1711]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya* [News of the Omsk State Historical and Local Lore Museum]. Omsk: OGIK muzey Publ., 2003, no. 10, pp. 147–162. (in Russ.).
- Molchanov V. F. [S. U. Remezov's Drawing book of Siberia from the collection of Count N. P. Rumyantsev]. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavennaya tobol'skim synom boyarskim v 1701 g.: v 2 t.* [Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son in 1701: in 2 vols.]. Moscow: “PKO Kartografiya” Publ., 2003, vol. 2, pp. 20–38. (in Russ.).
- Morozov V. M., Parkhimovich S. G., Shashkov A. T. *Ocherki istorii Kody* [Essays on the history of the Coda land]. Ekaterinburg: NPMP “Volot” Publ., 1995. (in Russ.).
- Perevalova E. V. [About the meaning of Ostyak princes' letters of gratitude]. *Obskiye Ugry: materialy II Sibirskogo simpoziuma “Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri”* [Ob Ugrians: materials of the 2nd Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”]. Tobolsk; Omsk: OmGPU Publ., 1999, pp. 156–161. (in Russ.).
- Perevalova E. V. *Obskiye Ugry i Nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2019. (in Russ.).
- Polevoy B. P. [Semyon Ulyanovich Remezov]. *Pervoprokhodtsy* [Pioneers]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1983, pp. 9–75. (in Russ.).
- Polevoy B. P. [To the three hundredth anniversary of the creation of the ethnographic drawing of Siberia in 1673 (From the history of the establishment of Russian ethnocartography)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1973, no. 4, pp. 78–88. (in Russ.).
- Postnikov A. V. [Mapping of Siberia in the 17th — early 18th century. Semyon Ulyanovich Remezov and his handwritten atlases]. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavennaya tobol'skim synom boyarskim v 1701 g.: v 2 t.* [Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son in 1701: in 2 vols.]. Moscow: “PKO Kartografiya” Publ., 2003, vol. 2, pp. 7–19. (in Russ.).
- Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Islamic cult complexes of Siberia in the cartographic materials of Semyon Ulyanovich Remezov]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”* [Herald of Omsk University. Series “Historical studies”], 2015, no. 4 (8), pp. 165–173. (in Russ.).
- Sloboda Tsarevo Gorodishche na Tobole* [Sloboda Tsarevo Settlement on the Tobol river]. Kurgan: KurGU Publ., 2015. (in Russ.).
- Tikhonov S. S. [Drawings of S. U. Remezov and the study of the khanate of Kuchum (on the example of the “Chorographic book”)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura tyurko-tatarskikh gosudarstv na territorii Zapadnoy Sibiri* [History, economics and culture of the Turkic-Tatar states on the territory of Western Siberia]. Kurgan: KurGU Publ., 2014, pp. 6–11. (in Russ.).
- Tikhonov S. S. [The Demyanka River on S. U. Remezov's maps and ethnographic and archaeological studies]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 2 (21), pp. 79–87. (in Russ.).
- Zykov A. P., Koksharov S. F. [Atlym settlements]. *Pamyatniki Yugry: vchera, segodnya, zavtra* [Monuments of Ugra: yesterday, today, tomorrow]. Tomsk: TomGU Publ., 2000, iss. 1, pp. 106–123. (in Russ.).

Коленопреклоненные «сибирец» и «татаринец» (слева), «самоединец» и «объдаринец» (справа) под рисунками «гербуцов» Московского государства и Сибири в предисловии к «Хорографической чертежной книге». ХЧКС. 1697–1711. Л. 8